

Вырезка из газеты

МОЛОДЕЖЬ
МОЛДАВИИ

г. Кишинев

21 МАИ 1985

НАЧИНАЛА двадцать семь лет назад, а рассказывает, будто о вчерашнем:

— Трудно было сначала после сцены — за ширмой...
И — радостный блеск в глазах.

— Казалось, еще немного — и рука правая отвалится!

И — счастливая улыбка.

— В одном спектакле, помню, нужно было плавно сойти со стула на пол, а я вдруг как громыхну! На весь театр! И потом все падала, падала... Все мешало. Вся была там, над ширмой, а тут, внизу — люди, стулья всякие, скамейки... И — веселый смех.

Екатерину Яковлевну Гиженко, драматическую актрису, пришедшую тогда в молдавский республиканский театр кукол «Ликурич», не нужно было убеждать, что здесь — тоже большое искусство, а не какое-то «детское», «вспомогательное». Было трудно, и она чувствовала — значит все в порядке.

Малышка Эвица не верила своему счастью: наконец-то кончились бесконечные мамы гастролы! Муж, артист русского драмтеатра имени Чехова, мудрый друг, не подбадривал: «Вот Эвица подрастет, и вернешься». Знал, что, решившись на этот шаг, жена вскоре уже заплыла в творческих замыслах, работая, а не отработывая, прикипит сердцем. Она ведь такая — из огня да в полымя. Иначе не умеет. (Не ошибся. Медаль «Ветеран труда», значок «Отличник культуры МССР» жена получила в «Ликуриче»).

Она и впрямь — мятежная душа. Уже белоснежен ажурный ореол волос вокруг лица, а движения так прекрасно похвисты, смех так задорен! Молоде многих молодых своим неистовым энтузиазмом, требовательностью к себе, к людям.

— Я не могу играть с такой куклой, она мертва! Это не Махно. Что у него на голове? Это же смешно, а должно быть страшно. А волосы? Что это за «сэссон»? А рот?

— Вам, Екатерина Яковлевна, как всегда, не угодишь!

— А зачем угождать? Вы сделайте мне Махно, остальное я беру на себя.

Беру на себя... Во время войны принимали решение «Вызывать огонь на себя». Во имя других, во имя большого общего дела. Но разве сегодня не оказываемся мы в окружении обстоятельств, когда бывает так необходимо что-то решение вызвать на себя «огонь»? Сколько раз принимала такое решение Екатерина Яковлевна? Не подсчитать, конечно, но ее старейшая подруга, работник милиции, говорит:

— Когда же то и дело спрашиваю: «Тебе что, больше всех надо?», она так и отвечает: «Да, больше всех».

Женский крик оборвался на высокой ноте. Теперь тишину раннего утра нарушал лишь гулкий топот бегущего человека. На крик выбежал дворник, бросился наперерез, но от сильного удара гут же упал на асфальт. Подгоняемый мутной злобой, преступник побежал еще быстрее. Догонявшая его женщина была где-то в начале улицы, она уже не бежала, едва шла, едва кричала. Сейчас на пути беглеца был лишь один человек — спешившая в поликлинику Екатерина Яковлевна Гиженко.

Большинство ее ролей — отрицательные. Махно в «Красных дьяволятах», Мачеха в «Золушке», Плохиш в «Военной тайне»...

— Это мои любимые, — говорит актриса. — Когда играешь их, реакция наших чужестранцев в мире зрителей — детей — мне за ширмой слышна прекрасно. И так радостно, что моя пятикилограммовая кукла сразу столько ребятишек сделала хоть немного лучше, разбудила, разожгла в

них ненависть ко злу! Мне даже кажется, что отрицательные роли я играю немного лучше, чем положительные...

...Сцена пытки.

— Будешь говорить?!

Зал замер, не шуршат фантики, крепко сжаты детские кулачки, десятки взглядов с ненавистью устремлены на Махно. Все сильнее болят пальцы правой руки актрисы, но все яростнее дергают они рычаг, открывающий кукле рот. Голос срывается, становится отвратительно хрипло-визгливым:

— Будешь говорить?!

Ребята не выдерживают, в зале нарастает гул.

«Остальное беру на себя...»

Мгновенно растегнув пальто и растянув его полы в сторо-

его, но лицо уже не было чужим. Таяла ледяная голубизна на щеках больного, едва заметно расцветал румянец. Екатерина Яковлевна едва заметно улыбалась...

Но чаще заслуженный донор СССР Гиженко шла на станцию переливания крови сама. С 1945 года и не один десяток лет подряд. Приводила сюда и подруг, знакомых, по дороге к станции читая им целую лекцию о том, что донорство абсолютно безвредно, что это не только долг, но и большое счастье.

И вдруг однажды услышала:

— К сожалению, вы больше не можете быть донором. Принимают, есть возрастные границы, когда...

Она не дослушала, обиделась:

НАШ СОВРЕМЕНИК

ТРУДНО—ЗНАЧИТ ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Не раздумывая, она преградила путь опасному преступнику. В тот момент все решали секунды, но готовилась она к ним всю жизнь.

ны, она... застыла посреди дороги, невысокая, хрупкая, и потому как-то особенно грозная в своем бесстрашии. На миг оба замерли. Она — изумленная его элегантным видом. Он — оторопело глядя на распахнутое пальто, в которое, словно бабочку в сачок, пытались поймать его, уносящего ноги не из таких переделок. Он стоял на расстоянии вытянутой руки от нее...

...Она лежала в операционной на расстоянии вытянутой руки от Екатерины Яковлевны. Единственной преградой между ними была стеклянная стена. Имени и фамилии той женщины Гиженко не знает, как и фамилий всех остальных спасенных ею людей. И сколько их всего спасено ее безвозмездно сданными двадцати во семью литрами донорской крови, тоже не знает. А вот фамилию самого первого спасенного ею человека запомнит на всю жизнь.

О том, что советскому госпиталю, расположенному в Белграде, срочно нужна донорская кровь, Катя услышала по радиоточке. Еще не зная группу своей крови, уже без памяти влюбленная в русского солдата Михаила Гиженко, она накинула старенькое короткое уже пальтишко и побежала.

Пятьсот граммов. Капитан Махонин. 1945 год. Он спас ее родную Югославию, она, сербская девушка, спасала его жизнь.

Пройдут годы, за ней будут приезжать и посреди ночи, чтобы за считанные минуты доставить в больницу для прямого переливания. А в операционной она в который раз будет всматриваться в незнакомое бледное лицо. Знала, что едва ли когда еще встретит

— Но, я же совершенно здорова!

Он спасовал, заметался, потом перемахнул через забор и скрылся в большом дворе. Екатерина Яковлевна кинулась в распахнутые ворота. Огляделась. Двор был пуст. Увидев лестницу, ведущую в подвал, она спустилась на несколько ступенек и тут же услышала где-то совсем рядом прерывистое дыхание. Они снова оказались лицом к лицу. Только сейчас Екатерина Яковлевна почувствовала леденящий страх: как же теперь назад, ведь он настигнет ее одним прыжком!

— Знаете, — рассказывает она, — по-настоящему страшно мне было лишь однажды в жизни. Гастролировали мы в небольшом городке. Во время спектакля я вдруг обнаружила, что пропала Собака, которая через две-три минуты должна была появиться над ширмой. От волнения я обомлела. Я знала только одно — спектакль не может быть сорван. Раздумывать было некогда, схватила запасную Лису, замотала ей голову своей косынкой, оторвала хвост, закрепила его под косынку, соорудив какую-то невообразимую челку. Потом поработала своими косметическими принадлежностями. Потом заставила свой голос не дрожать...

Она тут же нашла, радостно (актриса!) закричал:

— Товарищи миллионеры! Здесь он! Здесь!

Преступник отпрянул, глубоко окунувшись в густую тьму. Опасный рецидивист, он снова спасовал, снова не допустил мысли, что безоружная женщина (!) посмеет встать на его пути одна.

Даже для самой справедли-

вой борьбы в своем родном коллективе, согласитесь, нужна смелость. Коллега особенно ранним, и не пожалеешь ли завтра, что вчера не промолчал, не махнул рукой на его просчет, что вызвал вчера огонь на себя?

Это был один из тех спектаклей, что ставят в «Ликуриче» на открытой сцене, без ширмы. Екатерина Яковлевна в нем не участвовала, но как член художественного совета на производственной сдаче присутствовала. В зале — только свои. Задача — дать окончательную оценку немалой работы немалого коллектива людей.

Никого не удивило, что Екатерина Яковлевна попросила слово первой, в театре это давно уже стало своеобразной традицией. Но такого принципиального выступления не ожидали даже от нее. Все мрачнело лицо режиссера, но все видели — куда труднее было Гиженко: поймут ли, что это вовсе не придири, а принципиальнейшие замечания, не отчаются ли новоиспеченный режиссер?! Ведь оценка работы творческого коллектива — деликатнейшее дело. Говорила долго, взволнованно. Потом главный режиссер и директор театра поблагодарили ее за верно замеченные огрехи, согласятся, что доработка спектакля необходима. А она и по дороге домой будет снова и снова терзаться сомнениями, взвешивая каждое свое слово:

«...ведь так и говорят «возлагать цветы к памятнику», а вы их просто кладете...»

«...это, товарищ художник, не гвоздики, а совершенно непонятные аляповатые цветы. О каком же воспитании вкуса тут говорить? А ведь это, к тому же, заключительная сцена!».

«...вы ведь сыну письмо пишете с фронта! Как же можно так равнодушно чиркать карандашом? Дети скорее взрослых почувствуют фальшь. Не стесняйтесь, напишите несколько фраз от души!..»

Вскоре на помощь подоспели трое мужчин, милиция. Лишь с помощью ищейки найденный во дворе кошелек, который был украден из сумочки женщины в троллейбусе, вернули его хозяйке. Она со слезами на глазах благодарила Екатерину Яковлевну, а та почувствовала сильный озноб и вдруг с удивлением посмотрела на свое расстегнутое пальто. Благодарностей за свой поступок она услышала потом много, но больше всего запомнилась одна: во время суда ей сказала «спасибо» мать преступника Вячеслава Руденко.

Уже в конце нашей беседы, словно о чем-то не особенно заслуживающим внимания, она расскажет, как теплой летней ночью, возвращаясь с гастролей, услышала из распахнутых окон второго этажа филармонии, что в нескольких шагах от ее дома, странную возню. Долго не раздумывая, Екатерина Яковлевна поставила у подъезда чемодан, приставила к зданию филармонии лестницу, лежавшую рядом, и залезла по ней. Убедившись, что в темном помещении приподнялись вовсе не ретепирующие артисты, вызвала милицию. Ночные посетители филармонии успели скрыться, работники милиции поблагодарили Гиженко за бдительность.

Вы, наверное, удивились: не слишком ли много испытаний на долю одного человека? Но не спешите, и каждый из вас вспомнит, как однажды (или даже не однажды) и перед ним вставал вопрос: пройти мимо или поспешить на помощь. Иногда спешили на помощь, иногда спешили... мимо. Для Екатерины Яковлевны Гиженко этот вопрос никогда не был дилеммой. В родном доме. В родном театре. В давно уже родном ей городе.

Т. БОРИСОВА,
наш спец. корр.
Фото Ю. Омелько.